

Лхундруб Цо

БОЖЕСТВЕННЫЙ СУМАСБРОД

**Жизнеописание и песни
Друкпы Кюнле**

БКК 86.4
УДК 133

Лхундруб Цо

Божественный сумасброд. Жизнеописание и песни Друкпы Кюнле — «Inner Vision Press», 2025 — 336 с.

Друкпа Кюнле почитаем не только всеми тибетцами. Его так любят бутанцы, что они часто склонны считать его имя скорее свидетельством бутанского происхождения (Бутан по-тибетски — Друк Юл, прим. ред.), нежели знаком принадлежности к школе Друкпа Кагью. Его стиль, его юмор, его грубость, его сочувствие, способ его обращения с людьми нашли место в сердцах всех гималайских народов — сиккимцев, ассамцев, ладакхцев, непальцев, жителей Куннупа и Лахула. Он не был великим учёным или метафизиком и оставил после себя лишь несколько прекрасных литературных сочинений, но он — святой, который понятней всего простым людям, Будда, к которому они чувствуют наибольшую близость. Для них Друкпа Кюнле — тот, кто принёс огонь с неба и тронул их сердца до самой глубины.

Inner Vision Press
Минск, Беларусь
2025 г. в.
Тираж 50 экз.

Содержание

Вступительное слово	4
Предисловие Чёгьяла Гьямцо Тулкук	
английскому изданию	6
Предисловие переводчика стибетского на	
английский язык	12
Пролог	30
Глава 1	34
Глава 2	70
Глава 3	114
Глава 4	144
Глава 5	177
Глава 6	213
Глава 7	250
Глава 8	293
Благословляющие пожелания	329

Вступительное слово

Большое количество монахов и монахинь среди тибетцев, их холодный климат, толстая одежда, не столь охотная демонстрация знаков любви на людях и недостаток возможностей помыться, — всё это вызывает у многих впечатление, что тибетцам не свойственны чувственность и сексуальность.

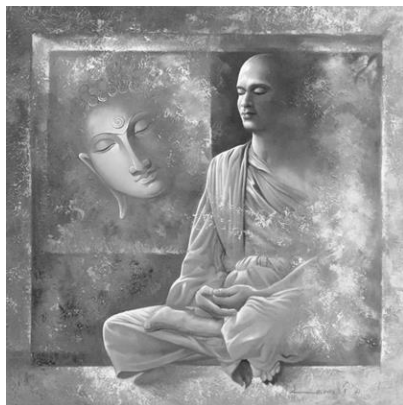
Однако это далеко не так. В то время как индуистские женщины моются, не снимая традиционного платья сари, а мусульманским женщинам и вовсе запрещается появляться в местах коллективного купания, тибетские мужчины и женщины радостно плещутся вместе в горячих источниках Гималайских гор, не стыдясь наготы, и смеются над робостью тех, кто не хочет раздеваться.

В обществе, где преобладает сельское хозяйство, физические аспекты жизни не могут оставаться скрытыми от глаз. Кроме того, буддизм Великого Пути видит тело как средство предоставлять защиту и дарить радость другим, и двойственные табу, связанные с известным неврозом "хоро-

ший ум — плохое тело", здесь неуместны. Хочется надеяться, что формы Будд в союзе, которые стоят или сидят лицом друг к другу, а также прелестные названия для мужского и женского органа воспроизводства (Алмаз и Цветок Лотоса) должны рассеивать последние подозрения о том, что религиозные люди должны быть ханжами.

Итак, в этой книге наши, как правило, столь церемониальные тибетцы предстанут в необычном свете. Наслаждайтесь живыми историями об активном мужчине. Искусно соединяя пространство и блаженство, мудрость и сочувствие, он приносил много интенсивности в мир, спасая живущих в нём от частого одиночества.

Ваш Лама Оле

Предисловие

Чёгьяла Гьямцо Тулку

к английскому изданию

Надзорпа Друкпа Кюнле был совершенным Буддой, Мастером буддийских поучений Махамудры и Дзогчен. Я очень счастлив, что сейчас на Западе появляется возможность прочитать описание жизни этого тибетского Махасиддха — Великого Совершенного.

Поведанное в этой биографии — не выдумка и не сказка, описанные в ней события действительно имели место. Чудесные истории о Мастере связаны с существующими местами, храмами, домами. Даже теперь, когда Тибет уже закрыт для нас, путешественник всё ещё может обнаружить веру в места силы практика-надзорпы и увидеть принадлежащие ему вещи в восточных Гималаях. Эта биография полна вдохновения.

Биографии тибетских святых могут быть написаны в трёх различных стилях. "Внешние биографии" дают нам информацию о

фактах из жизни святого: где он родился; как протекала его юность; какие изменения произошли в его уме; как он отрёкся от восьми мирских забот (похвалы и порицания, потери и приобретения, удовольствия и боли, славы и бесславия); как он достиг понимания кармы; как он встретил учителя и принял Прибежище в Ламе; как практиковал заповеди моральной этики, учился и медитировал, дабы развить относительное и абсолютное сочувствие; как через достижение совершенства в двух стадиях тантрической практики он привёл к полному Просветлению свои тело, речь и ум. "Внешние истории" содержат его поучения для обычных учеников и начинающих и показывают события его жизни с точки зрения обычного восприятия.

"Внутренняя биография" делает ударение на внутренней жизни, описывает вселенную с точки зрения медитативного опыта, стадий постижения, йидамов, дакинй, Будд и их Чистых Стран. Она описывает духовную эволюцию с точки зрения каналов, тонких энергий и капель сущности, составляющих невидимую основу нашего тела.

В этой работе истории написаны главным образом и стиле "тайной биографии". Здесь жизнь Ламы раскрывается с точки зрения его совершенных деяний и не проводится различие между внешними событиями и внутренней жизнью. Путь развития уже завершён, и мы видим очистившегося от всех завес и заблуждений Мастера, выполняющего своё высочайшее предназначение.

Он действует без какого-либо разграничения, сдерживания или корыстной мотивации, — чтобы внести смысл в жизнь других людей. Эта биография называется "тайной" потому, что, не обрета такое же состояние ума, как у Ламы, мы не можем её до конца понять, и потому что традиционно такая литература хранится в тайне от людей, следующих только дисциплине Хинаяны или идущих путём альтруистической Махаяны. Не прошедшие цензуру описания действий Ламы могут вызвать разного рода сомнения и страхи в умах приверженцев Учения. Также это — тайна, мистерия, потому что присутствие Будды рассеивает парадоксы и двойственность бытия. Стиль поступков Друкпы Кюнле показывает нам, как можно

без противоречия объединить наставления Трёх Колесниц — трёх направлений—колесниц буддизма (Малой, Большой и Алмазной колесницы).

Мы должны понять, что в тайной биографии Друкпа Кюнле вступает в связь со своими подругами подобно Миларепе, который избрал Церингму для помощи в окончательном осуществлении совозникающего блаженства и мудрости в Просветлении. Где бы мастер ни находил партнёршу, сила его блаженства пробуждает естественно присущую дакине мудрость. Сараха, после долгого пребывания в университете Наланды, взял себе в жёны дочь ремесленника, изготавливающего стрелы, дакиню, и сказал: "Только теперь я действительно чистый монах—бхикшу".

Жизнь Друкпы Кюнле показывает нам освобождённый ум, далёкий от предубеждений, предпочтений, пристрастий и усиленной мыслительной деятельности, сковывающих нас в напряжении и страхе. Это жизненный пример того, кто свободен от эмоциональных привязанностей и семейных пут. Это — видение безумца вне всех норм и устоев, представляющее собой

обманчиво простой пример и дающее вдохновение; свободное странствие достигшего цели Дхармы за одну жизнь.

Его поведение соответствует поучению Миларепы: "Что касается того, каким образом следует осуществлять внутренний поиск, то отбросьте всё, что ведёт к усилению ядов ума и цепляния за "я", даже если это кажется чем-то хорошим; и наоборот, практикуйте всё, что противодействует пяти ядам ума и помогает другим существам, даже если это кажется чем-то плохим". Это, в своей сущности, находится в соответствии с Дхармой.

Друкпа Кюнле почитаем не только всеми тибетцами. Его так любят бутанцы, что они часто склонны считать его имя скорее свидетельством бутанского происхождения (Бутан по-тибетски — Друк Юл, прим. ред.), нежели знаком принадлежности к школе Друкпа Кагью.

Его стиль, его юмор, его грубость, его сочувствие, способ его обращения с людьми нашли место в сердцах всех гималайских народов — сиккимцев, ассамцев, ладакхцев, непальцев, жителей Куннупа и Лахула. Он не был великим учёным или

10

метафизиком и оставил после себя лишь несколько прекрасных литературных сочинений, но он — святой, который понятней всего простым людям, Будда, к которому они чувствуют наибольшую близость. Для них Друкпа Кюнле — тот, кто принёс огонь с неба и тронул их сердца до самой глубины.

Я молюсь, чтобы посредством распространения по всем концам земли жизнеописания этого полностью просветлённого смеющегося Мастера мириады существ в настоящем и будущем получили вдохновение от его достижений в Буддийской Дхарме и чтобы тёмный век превратился в крепость Будды.

*Тулку Дугу Чёгьял Гьямцо,
Полнолуние второго месяца
года земляной овцы.*

Предисловие переводчика с тибетского на английский язык

Возвышенная и одновременно — непристойная биография Друкпы Кюнле, одного из самых популярных святых Тибета, изложена в виде сборника анекдотов и песен, взятых как из устных, так и из письменных источников, тибетских и бутанских. Составлен этот труд современным бутанским монахом и учёным, с целью удовлетворить возникшую потребность гималайских буддистов в новой презентации "безумной мудрости" Друкпы Кюнле. Подобная потребность появляется в период стремительных изменений, когда подвергаются пересмотру традиционные формы, — во многом так, как это было во Франции времён Франсуа Рабле. Мы посчитали, что уникальные ингредиенты этой саги — позитивное отношение к сексу, неприязнь к организованной религии и духовенству и анархический образ жизни бродяги-мистика — предоставляют идеальное средство для того, чтобы донести тибетскую

буддийскую традицию до людей, которые никогда не стали бы читать трактаты по буддийской доктрине.

Полагая, что Тантра содержит важные черты и помимо формальной системы своей практики, а также чтобы доставить наслаждение тем, кто уже сами присоединились к этой благородной традиции, мы решили воспользоваться случаем и сделать доступным "секретное" жизнеописание для западного читателя.

Хранители тантрических линий преемственности, ориентирующиеся на так называемую "реформированную" школу тибетского буддизма, до сих пор всегда соблюдали строгость в отношении секретности тантрической литературы; что же касается не реформированных школ, то их подход всегда был более либеральным. Несмотря на вероятную негативную реакцию буддистов, придерживающихся исключительно тех поучений будды Шакьямуни, которые связаны с "первым поворотом колеса учения", мы надеемся, что это будет компенсировано интересом к тантрам, который вызовет данный перевод, и тем, что он удалит неверные суждения о тантрах и подарит читателям озарённое вдохновение.

Антиклерикальные шедевры, которые творил Рабле, отражали начало неудовлетворённости загнивающей системой; но Друкпа Кюнле нападает на монашество и организованную религию, следуя неувядаемой индийской традиции сиддхов. К этой традиции принадлежал индийский поэт-мистик Сараха (Друкпа Кюнле был его воплощением), обличавший в своих песнях показное благочестие, сухую научность, пустое следование ритуалам и самолюбивую праведность. Друкпа Кюнле добавил к этому списку монашескую сексуальную немощь, властолюбие привилегированных иерархов, злоупотребление невежеством и суевериями других, излишнюю озабоченность второстепенными религиозными аспектами, богатство, славу и многие другие проявления "духовного материализма".

И Сараха, и Друкпа Кюнле стремились высвободить величие человеческого духа, избавляя его от рабской подчинённости религиозным институтам и моральным и ритуальным условностям, которые изначально призваны служить опорой духовным исканиям. Оба эти практика, будучи образцами бескомпромиссности на духовном пути, верили в то, что необходимым

условием совершенного счастья является непривязанность, в том числе непривязанность к духовным институтам. Начавшуюся в XVII веке в Тибете борьбу "красных шапок" против централизованной богословской иерархии в Лхасе можно рассматривать как конфликт между силами бюрократического истеблишмента и индивидуальным поиском спасения.

Эта любовь к свободе представляет собой характерную особенность тантрической традиции вообще и бутанской традиции в частности, возвращению которой посвятил так много усилий Друкпа Кюнле. Её анархизм можно сравнить с отцами-пустынниками в христианстве и суфиями в исламе. Как бы то ни было, нападки Друкпы Кюнле на истеблишмент никогда не были злобными. Он сам являлся продуктом монашеского воспитания (хотя рано покинул чертоги духовного инкубатора) и, должно быть, понимал, что монастырь предоставляет уникальное убежище людям с посредственными способностями и тем, кто, по различным причинам, нуждается в специальной общественной среде для своего духовного роста.

У нас была мысль дать другое название этому переводу — "Мастерство желания"; тем самым мы подчеркнули бы позитивный оттенок мистического пути Друкпы Кюнле. Эмоции, особенно желание, следует не подавлять, а очищать, и затем — свободные от своекорыстной мотивации, во исполнение САМАЙИ (обязательства придерживаться высочайшего осознания) — их нужно использовать для разоблачения иллюзий и принесения понимания и восторга всем существам. Именно с такой оценкой нужно читать истории о любовных похождениях Друкпы Кюнле, и тогда будет очевидно, почему мастерство, с которым он выражал своё желание, безупречно.

Несправедливо обвинять Мастера в похотливости значит совершенно неправильно истолковывать динамику его существования, и похотливое восхищение или отвращение со стороны читателя будут означать непонимание одной из величайших тайн жизни и сущностного смысла тантр: природа блаженства всех явлений выявляется в союзе двойственности (субъект/объект, сознание/чувство, мужское/женское). Независимо от того, является его партнёрша человеком или полем чувственного

восприятия, Мастер участвует в непревзойдённом союзе искусных средств (мужское) и осознания (женское), где сочувственные искусные средства пробуждают потенциал осознания женской "Пустоты".

И в этом союзе раскрываются тантрические тайны, символизируемые мандатами Будд — женщин и Будд — мужчин. Его сексуальная активность — лишь часть его мастерства, которым он освобождает людей от неведения — вселенского психоза, закрывающего от нас присущую всем нам природу Будды, — и искореняет устоявшиеся представления о том, кто мы и что мы должны и не должны делать. Гений его исцеляющего мастерства кроется в спонтанной речи и непринуждённых действиях, пробуждающих осознание подлинной экзистенциальной реальности.

Возмутительные поступки и смех — это искусные средства, которыми он вытряхивает людей из их вялого принятия невротического статус-кво их умов и привязанности к привычным формам. Все взаимоотношения Друкпы Кюнле отмечены мастерством его желания принести непреходящее и одновременное Просветление себе и другим.

Друкпа Кюнле обрёл Состояние Будды, энергично и крайне дисциплинированно предаваясь упражнениям в слушании, размышлении и медитации в аскетической среде тибетской монашеской академии. Он следовал наставлениям и предписаниям и получал подлинные внутренние посвящения и уполномочения от Лам своей школы. Красношапочная школа Друкпа Кагью (одна из четырёх "больших" подшкол Кагью, тесно связанная с Ньингмапой) была основана его предшественником по имени Палден Друкпа Ринпоче в Ралунге, южном Тибете.

Он принадлежал к линии преемственности, основанной Тилопой, Наропой, Марпой и Миларепой. Но когда Друкпа Кюнле уже достиг цели (в удивительно раннем возрасте), он превзошёл различия между школами, став мистиком всей вселенной. Высмеиваемые им монастыри Дрепунг, Ганден и Пурнху с большой любовью вспоминали о его визитах. Ревностное отношение к избранному методу духовной эволюции действует первоначально подобно оловянной трубке вокруг сеянца, защищающей его от баранов и кроликов. Но рано или поздно практик сталкивается с

18

необходимостью стать самостоятельным, освободиться от всяких социальных опор и психических костылей, как это демонстрирует Гуру.

Это славное одиночество — в мире, но не от мира — один из признаков невыразимого Великого Совершенства (Дзогчен) и Великой Печати (Махамудры, Чагчена), которые являются синонимами духовного достижения Друкпы Кюнле, только за стенами школьного класса.

Друкпа Кюнле — уже нечто большее, чем историческая личность. В Бутане он является культурным героем, окружённым паутиной рассказов и легенд, фактов и вымысла. Тибетские завсегдатаи пивных заведений вспоминают его имя наряду с Агу Томбой — совсем уже не святым похотливым персонажем, фигурирующим в тибетском фольклоре в роли учителя народной мудрости.

Во множестве подлинных историй Друкпа Кюнле выступает архетипическим божественным безумцем, чей образ сформирован мифическими императивами данной модели духовного бытия. Эти императивы запечатлены и легендах о восьмидесяти

четырёх индийских махасиддхах и в многочисленных историях о божественных сумасбродах, появившихся в период расцвета тибетской традиции (с XIV по XVI век), и они даже прослеживаются в лучших ожиданиях индийских селян в отношении их так называемых Пагала Баба (святых безумцев). Характерные черты — это беззаботность и отсутствие привязанности, избыток сочувствия, полное отсутствие табу, умелое использование шоковой терапии, слёз и смеха.

Бродячий образ жизни — распространённое и принимаемое обществом явление на Востоке. Если определять невменяемость как отклонение от психологических норм, то божественный безумец — поистине сумасшедший; однако если использовать в качестве мерил духовные идеалы, то безумцами, несомненно, являемся мы, в своём подавляющем большинстве.

Теперь несколько слов о тибетцах. Пусть у вас не создаётся впечатление, что это какая-то ватага охальников. Несмотря на то, что у них мало невротических комплексов в отношении секса, всё же им свойственно сильное чувство стыда.

Тибетские женщины покраснеют, если речь зайдёт о сексе, и будут косо смотреть на эмансипированную западную девушку. Таким же образом, у монахов вызывают крайнее смущение даже самые безобидные шутки Друкпы Кюнле. И даже миряне, обожающие его юмор, имеют очень острое ощущение места и времени. Если кого-то из западных читателей шокирует присутствие сексуальных тем в священной книге, то следует иметь в виду, что тибетцы, пожалуй, ещё более чувствительны к терапевтическому эффекту этих историй.

Вторая часть этой книги посвящена пребыванию Друкпы Кюнле в Бутане, где он занимается необычной деятельностью, которая требует пояснений. В XVI веке народ Бутана всё ещё находился во власти анимистических суеверий, и Друкпа Кюнле энергично и даже с радостью занимался тем, что подчинял или уничтожал демонов, терроризировавших население. Различные виды демонов лучше всего истолковать как конфигурации стихийных сил природы, поражающие умы людей; они неотделимы от страха и инстинктивных реакций, которые они вызывают. Местонахождение этих сил

не обязательно связано с телом. Например, демон горного перевала может представлять собой образ скрытой мощи феноменов холода, снега, ветра и высоты, форма и характер которого отображает коллективный опыт и воображение многих испуганных, измождённых и торжествующих путников, пересекавших перевал. Обретает ли этот образ благодаря поколениям "почитателей" вещественность и виде некой тонкой сущности — вопрос спорный, но он наверняка воздействует на них так, будто имеет самостоятельное существование. Ещё один пример: демон-змея может являть собой скрытую силу болезни или природного бедствия, заложенную в качестве вируса или потенциально опасного экологического дисбаланса в первоэлементах земли или воды, и к этому может примешиваться немой испуг, который вызывают, скажем, холера и землетрясения.

Существует много разнообразных форм демонов-змеев, и каждый демон наделяется особенными характеристиками своего региона и различными отображениями того, как реагируют на него люди. Внутренние демоны, досаждавшие будде Шакьямуни,

"просты": например, демон "страха смерти" может ассоциироваться с состояниями снижения нервной энергии и депрессии, и влияние его можно заметить и в мышлении, и в эмоциях, и в стереотипных реакциях.

Шаман, которым овладел демон, наделяется чёрными магическими силами. Друкпа Кюнле не просто уничтожает демонов, но превращает их в стражей и защитников истины Будды. Основывается это чудо превращения на непоколебимости и ясности высшего трансцендентального осознания ума, которое символизирует трость Друкпы Кюнле с наконечником в форме пениса, или же его собственный член, называемый "Пламенным Алмазом Мудрости".

Демон незамедлительно принимает Прибежище в Будде, как только дордже раскрывает его Пустую природу, и впоследствии Мастер при случае напоминает демону о своём непрерывном интуитивном осознании Пустоты, присущей демоническим призракам, и, соответственно, своей власти над ними. То, что изначально было враждебными стихийными явлениями и атактистическими страхами, становится

свирепыми масками, отпугивающими тех, кто посягает на святилище истины, и могучими энергиями, способными выполнять мирские задания для Мастера, — дружескими помощниками на пути.

Полное личное имя нашего героя — Кюнга Легпай Зангпо, сокращённо — Кюнга Легпа или просто Кюнлег (Кюнле). Его титул "Друкпа" означает его принадлежность к школе Друкпа Кагью, а также то, что он связан с Бутаном. "Владыка Дхармы" (Чёдже) указывает на его мастерство в Дхарме — учении Будды и его практических аспектах.

"Защитник Живых Существ" (Дроваи гёнпо) является эпитетом Бодхисаттвы Сочувствия как освободителя богов, людей, титанов, зверей, голодных духов и чертей. Поскольку он — Будда и Наставник — Гуру для множества его современников и последующих поколений его учеников, он называется "Лама". Термин "Наджорпа" (Йогин на санскрите, Йоги в общем употреблении) определяет его как бродячего отшельника и мастера, опытного в медитации и магических играх. Буквально Наджорпа означает "привязанный к

безмятежности", "верный подлинной личной реальности" или "олицетворение союза мужского и женского принципа". "Мастер" — аналог понятия Друптон (Сиддха), что говорит об обретении относительных магических способностей и постижении окончательной природы действительности. Такой эпитет Друкпы Кюнле, как Джадрал, я весьма дерзко перевёл как "Свободный от Обязательств" — то есть, он покоится в свободном пространстве Махамудры, где действие — это скорее не-действие: все движения находятся в такой гармонии со вселенной, что нет нужды ни в каких усилиях или борьбе.

Спонтанное и ничем не сдерживаемое, это выходит за пределы наших представлений о работе или активности. Заслуживают объяснения и три последних титула, часто вызывающие неправильное понимание. "Драгоценный" (Ринпоче) — это форма обращения, которую используют ученики по отношению к своему Ламе или крепостные по отношению к своему священнику — сюзеру.

"Тулку" (воплощенец) означает видоизменённое излучение Будда-сути и глубоком метафизическом контексте, в то время как